

История философии, 39. Монады Лейбница. Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, всё готово? Сегодня мы хотим сосредоточиться на монадах Лейбница. В прошлый раз мы довольно кратко представили Лейбница, указав, что он видел конфликты между механистической наукой, которая формировала философию XVII века, и христианской религией, как с точки зрения её материалистического направления у таких людей, как Гоббс, так и с точки зрения её детерминизма у таких людей, как Гоббс и Спиноза. И ему не нравилась натуралистическая пантеистическая интерпретация механистической науки, предложенная Спинозой.

И поэтому он пытается разобраться с этим конфликтом науки и религии, разрабатывая альтернативное метафизическое понимание, которое не игнорирует науку нашего времени, но, скажем так, отводит ей ограниченную роль, скорее феноменальный аспект, уровень явлений, а не рассказывает нам о лежащей в её основе реальности. Итак, основополагающая реальность заключается в том, что всё сущее в конечном итоге состоит из монад, которые являются неделимыми единицами силы или энергии. Неразрушаемыми, да, потому что, не будучи составными, они не могут быть распущены и уничтожены никакими естественными способами.

Это не означает, что они вечны, всегда были и всегда будут, поскольку их существование даровано им Богом. Как мы уже отмечали в прошлый раз, эти монады, эти единицы силы, аналогичны друг другу таким образом, что образуют своего рода иерархию бытия, где высшая монада обладает совершенным восприятием и аппетитом.

А монады, находящиеся ниже по иерархии, обладают меньшей степенью апперцепции и аппетита. Термин «апперцепция», очевидно, является адаптацией нашего термина «восприятие», поскольку он готов признать, что некоторые животные, а следовательно, и монады, могут обладать чувственным восприятием. И даже вещи, не обладающие сознательным восприятием на уровне монад, похоже, знают свое место в общей картине.

Это постижимый порядок, проявляющийся в том, что вещи занимают своё место и выполняют свою функцию. Когда вы сталкиваетесь с людьми, обладающими духовными монадами, вы видите, что они обладают не только чувственным сознанием, но и самосознанием. Рефлексивным, размышляющим о собственном сознании.

И, следовательно, способность сопоставлять собственные идеи, активно рассуждать. Рассуждать. И этому можно дать название апперцепция, то есть самосознание.

Но Бог обладает совершенным восприятием. Он осознаёт всё. Он совершенно понимает себя.

Таким образом, существуют степени восприятия, вожделения, желания, да, направленной энергии, в том смысле, что выполняется естественная функция, которая в определенной степени актуализируется. Именно здесь становится очевидной конечная причинность, в самой природе всех монад, с естественным влечением, вожделением, желанием, склонностью и предрасположенностью. Те термины, которые в схоластике ассоциировались с конечной причинностью.

Таким образом, мы имеем эти нерушимые единицы силы, изменяющиеся на мельчайшие величины в рамках этой иерархии бытия. В иерархии нет пробелов. Каждое мыслимое различие представлено в этой полной цепи бытия.

Таким образом, Лейбниц говорит о принципе непрерывности или полноты. Непрерывность – да, в цепи бытия нет пробелов, нет разрывов. Полнота – да, она заполнена; нет пустых мест.

Принцип полноты. И, конечно же, это просто представление о иерархии бытия, которое было у схоластиков. Что всё творение, всё на своём месте, вместе составляет полноту вещей, которые находят своё существование в отношении к Богу.

Таким образом, существует принцип достаточного основания. Для всего, что существует в рамках всей иерархии, и для каждого события, происходящего в рамках всей иерархии, есть причина.

Достаточная причина. И это настолько взаимосвязанное, выстроенное воедино целое, что принцип совершенства, такого рода бытие, является благом. По сути, эти три принципа могли бы быть использованы для описания иерархии бытия у Фомы Аквинского.

В принципе, он бы согласился. Как я уже упоминал в прошлый раз, Лейбниц пытается возродить схоластическое понимание бытия, схоластическую метафизику, которая, как мы увидим, ближе к Скоту, чем к Фоме Аквинскому. И приписать ей тот вид благодати, который, как и у средневековых мыслителей, являет совершенство Бога.

Его творение. Проявление Его доброты. Поэтому это имеет значение.

И ему предстоит найти своё место в этой системе, в этом общем понимании механистической науки. Такова природа высшей реальности, понимаете. И одним из её проявлений является тот вид механистической функции, о котором он говорит.

Но мы не сможем по-настоящему разобраться в этом, пока не начнем говорить о различии между разумом и телом. И о том, как тела себя ведут и что представляет собой тело. Это проявляется в функционировании тел, которые состоят из множества, множества моментов.

Тела — это составные вещества. Именно в процессе функционирования тел как составных субстанций возникают механистические процессы и, конечно же, проявляются соответствующие эффекты. Таким образом, эти монады представляют собой неразрушимые единицы силы.

Каждый из них отличается по степени от всех остальных, поэтому каждый обладает своей индивидуальной природой, своей индивидуальной сущностью. Вспомните, как средневековые ученые пытались объяснить в своей теории форм, чем спокойные индивиды отличаются друг от друга. Пока Скот, Дон Скот, не ввел понятие гикеотаса.

То есть, помимо формы вида и перстня, который состоит из формы вида, существует также принцип индивидуальности, этого, гикейота. Таким образом, Бог создает индивидов с их собственной природой. Вот что говорил Скотус.

Именно это Лейбниц заимствует у Скотуса. Таким образом, эти отдельные сущности подобны, видите ли, принципу гикеот у Скотуса. Но отдельные сущности, очевидно, похожи тем, что обладают общими атрибутами.

То, что схоластики называли трансцендентными атрибутами всего сущего. И они говорили об этих трансцендентных атрибутах, помните, как о единстве, добре, красоте, истине. Так вот, Лейбниц делает то же самое, говоря об апперцепции и аппетиции.

Апперцепция и аппетиция. Иными словами, каждая имеет свою природу и, следовательно, знает своё место в целом. Знает, в кавычках, в зависимости от степени сознания.

Вернее, апперцепция. А аппетит? Да, в своем функционировании. Он действует, действует в соответствии с, реализует силу, потенциал своей собственной сущности.

Его собственные внутренние ресурсы, его собственная природа. Таким образом, он понимает эти отдельные монады как лишенные окон. Интересная метафора, которую он использует.

Видите ли, в комнате без окон нет контакта с внешним миром. Нет причинно-следственной связи ни с чем внешним. Всё внутри комнаты, так сказать, герметично закрыто.

Оно самодостаточно, самодостаточно благодаря ресурсам, хранящимся внутри помещения. Таким образом, эти монады, так сказать, запрограммированы по своей природе. Поэтому знание, которое происходит благодаря апперцепции, представляет собой врожденные, врожденные идеи, которые доходят до нашего сознания, до нашего осознания.

Если хотите, я вспомню. Потому что монады лишены окон. На разум не влияют никакие внешние раздражители.

И дело не только в врожденном знании, но и в желаниях, в стремлении, которое не является реакцией на внешние стимулы, а просто выражением внутренней силы, внутренней потребности, внутреннего направления, в котором находится духовная монада. И то же самое верно для всех монад. Поэтому сказать, что они лишены окон, означает, что между монадами нет причинно-следственных связей, ни в отношении к мышлению, ни в отношении к явной деятельности.

Причинно-следственных связей нет. Но тогда нужно сделать еще один шаг и спросить: а как же они существуют? Каков источник их энергии? Иногда Лейбниц использует термин «сотворение» и говорит, что Бог их создает. Но в других местах он пытается быть более описательным и использует термин «фульгурация».

Он говорит, что Бог постоянно подвергает их воздействию фульгурации. Держу пари, вы никогда раньше не сталкивались с термином «фульгурация». Я тоже не встречал его, когда впервые читал Лейбница.

Но мой тогдашний словарь Вебстера, и я полагаю, что он до сих пор его использует, говорит, что фульгурация связана с выработкой энергии. Это используется, например, когда вы зажигаете спичку, и она загорается. Вы, видите ли, «дополняете» тепло, свет.

Таким образом, речь идет об идее, что энергия, их особая степень силы, постоянно генерируется и наполняется Богом. Бог — источник силы, дающий существование. Но в акте дарования существования монадам он наделяет их

той степенью силы, которая обеспечивает им их индивидуальное существование такой природы.

Таким образом, вместо концепции творения, которая становилась очевидной в начале деизма, — представления о том, что Бог сотворил мир, а затем вещи стали самосуществующими и самодействующими, — Бог непрерывно дарует существование. Если хотите, это снова то, что говорили средневековые мыслители, например, Фома Аквинский. Именно поэтому, когда Аквинский рассуждает от порядка причин и следствий в космосе к первопричине, он не просто имеет в виду, и на самом деле, в этом доказательстве он не имеет в виду именно первую причину во всей серии причин.

Но это скорее метапричина, которая постоянно подпитывает всю причинно-следственную цепочку. На каком бы этапе она ни находилась. Таким образом, Бог — это тот, кто не только инициирует существование, но и поддерживает его, продолжая даровать его.

И Лейбниц просто повторяет это в рамках разрабатываемой им концептуальной схемы. Фульгурация Богом. Кто-то спрашивал ещё в прошлый раз: разве Штумпф не считает, что монады, так сказать, являются частью самого бытия Бога? Это ещё один вид Спинозистского пантеизма? И я бы сказал, что нет .

Нет. Потому что он не утверждает, что они вечны. Он утверждает, что их сила, их энергия, их существование дарованы Богом.

Да, постоянно. Но это не значит, что Бог — это все они. Это не пантеизм .

Таким образом, это его попытка объяснить традиционное иудео-христианское представление о сотворении мира. Хотя каждая из этих монад лишена окон и причинно-следственных связей, её существование поддерживается Богом. Её природа такова, какой она есть, постоянно благодаря Богу.

Но, обладая индивидуальной природой, знающей своё место в целом, Лейбниц может сказать, что каждый, в силу своей сущности, отражает целое. Каждый, так сказать, является микрокосмом целого. Понимаете ? Таким образом, если вы понимаете свою индивидуальную природу с точки зрения этих атрибутов восприятия и влечения, вы получаете представление о том, каково целое с точки зрения влечения и восприятия.

Понимаете ? Так вот, эту метафору о том, что каждый знает своё место, он воспринимает довольно буквально. Природа вещи такова, природа отдельной монады такова, что её собственная природа отражает то, чем она должна быть, чтобы заполнить это конкретное место в целом. Как будто это отдельный, уникальный кусочек пазла, который никуда больше не подойдёт.

Таким образом, по своей природе это имеет последствия для всего остального. Каждое из них отражает целое. Позвольте мне сделать паузу и посмотреть, понимаете ли вы это.

Вы понимаете, что он имеет в виду? Рут? Когда вы говорите, что между монадами нет причинно-следственной связи, это похоже на теорию Спинозы, согласно которой всё происходит из вертикального отношения и нет взаимодействия через протяженность мысли? Да, да. За исключением того исключения, которое мы заметили в прошлый раз, где у Спинозы теория двойного аспекта, так что мысль и протяженность — это две стороны одного целого, а у Лейбница — разные сущности, так что то, что мыслит, — это духовная монада, а то, что протяженно, — это совокупность чистых монад, возможно, с монадой души, но это разные вещи. Поэтому мы говорим о Лейбнице как о параллелизме, никогда не встречающемся, чего нельзя сказать о Спинозе, поскольку это действительно две стороны одного целого.

Но в остальном, за исключением концептуальной схемы, идея об отсутствии причинно-следственного взаимодействия схожа. Джон? Нет? Меня немного смущает окончательный вывод о том, что каждое из них отражает целое. Я пытаюсь вернуться к вашим видениям два и три.

Кажется, учитывая концепцию «этого» и отсутствие окон, как я мог бы предположить, что отражаю целое или что что-либо другое будет его отражением? Видите ли, и здесь, я думаю, вы, вероятно, играете на концепции «этого», на индивидуальности, которая предполагает, что каждый индивид абсолютно уникален. Теперь же современная концепция просто ложна. Теперь она ложна для Лейбница, и я думаю, что она ложна в любом случае.

Мы слишком легкомысленно используем термин «уникальный». Знаете, говорят, что все снежинки уникальны. А мы подразумеваем, что уникальность означает безграничную ценность, потому что она уникальна.

Но, знаете ли, не каждая снежинка обладает безграничной ценностью; ценность вещи придает не уникальность. Но в любом случае, для Лейбница термин «уникальный» подчеркивал бы любое отсутствие близкого сходства. Понимаете, предположим, у вас есть идентичный близнец.

Теперь вы не совсем идентичны. Лейбниц говорит о тождественности неразличимых вещей. Если у вас есть две совершенно неразличимые вещи, одна от другой, то у вас есть не две вещи, а одна и та же.

Идентичность неразличимых вещей. Но один человек отличается от другого, как идентичный близнец, в какой-то ничтожно малой степени. И поскольку эти

различия ничтожны, понимаете, вы сразу же понимаете, кто похож на вас в определенных аспектах.

Конечно, чем дальше вы заглядываете, тем меньше становится сходства. Но всё же есть некоторая аналогия. Так что в иерархии бытия, если бы вы были здесь, ой, я бы поместил вас на место духа низшего порядка.

Это не входило в мои намерения. Но, оказавшись там, начинаешь испытывать определенную симпатию к животным. Начинаешь сочувствовать собакам, особенно своему любимому питомцу.

А некоторые люди пишут статьи и книги о правах животных. О правах животных. Интересно, как далеко нас заведет эта аналогия.

Понимаете? Точно так же, благодаря тому, что мы духовные существа, люди имеют некоторое представление о том, каким должен быть Бог, когда мы представляем Его как личность, по образу и подобию которой мы созданы. Поэтому, просто в силу этой аналогии, можно сказать, что в моей природе я отражаю нечто от природы животных, Бога, живых существ вообще, физических вещей, понимаете.

И добавьте к этому еще и то, что, поскольку ничто другое не может заполнить пустоту в общей картине, которую заполняю я, видите ли, в силу принципа полноты, поскольку ничто другое не может заполнить эту пустоту, тогда в моей природе есть отголосок всего бытия. Таким образом, идея отсутствия окон — это просто причинно-следственная идея. Значит, что касается восприятия, языка и всего этого, вы можете взаимодействовать друг с другом по аналогии? Нет, подождите минутку.

Восприятие, если вы имеете в виду чувственное восприятие, то есть получение внешних стимулов. Нет, если вы имеете в виду зачатие, и, кстати, я заметил, что эти слова перепутаны в контурах. Декарт, а также Гоббс.

Под восприятием обычно подразумевают сенсорное восприятие. Чувственное восприятие. Будь то внутреннее или внешнее чувство.

Чувственное восприятие. То есть, осознание отдельных деталей и отдельных качеств. Хорошо.

Термин «концепция» используется для обозначения понятий, общих понятий. Возможно, абстрактных идей, понимаете. Поэтому важно различать эти два понятия.

Кстати, термин «ощущение» здесь совсем другой. «Ощущение» используется для обозначения конкретных органов чувств и того, что они вызывают. Например, ощущение света.

Ощущение жара. Ощущение горечи. Ощущение... мятного запаха.

Я бы сказала, что на Рождество это скорее мятный, чем розовый оттенок. У нас есть определенные ощущения, которые являются составной частью нашего восприятия определенных вещей. Понимаете?

Оба понятия отличаются от понятий в более общем или абстрактном смысле. Так что да, по мнению Лейбница, у нас есть врожденные понятия. Врожденные в том смысле, что они возникают в результате нашей умственной деятельности.

Восприятие. Но и оно возникает в результате нашей умственной деятельности. У нас есть ощущения, чувства.

Но и они возникают из внутренней умственной деятельности. И, что удивительно, они коррелируют с тем, что происходит в других местах. В этом и заключается параллель.

Видите ли, Декарт утверждал бы, что вы испытываете определённое ощущение из-за какого-то стимула, воздействующего на органы чувств, который передаётся через мозг и биологические жидкости организма, вызывая изменение состояния сознания. У него есть причинно-следственная теория чувственного восприятия.

Видите ли, Лейбниц ошибался. Не существует причинно-следственных процессов, порождающих ощущения или восприятия.

То есть, если говорить о внешних причинах. Синхронизация идеи с происходящим, эта синхронизация – творение Бога в этой идеально гармоничной системе. Еще одна фраза, которую он использует: вся система функционирует как изначально установленная гармония.

Предварительно установленная гармония. Именно это им движет, и мы увидим это в следующий раз, когда перейдем к проблеме зла. Именно это заставляет его говорить, что это лучший из всех возможных миров.

Лучший из всех возможных миров. Да, именно это отличает индивидуальность. Выделяет людей.

Соответствует ли это тому, что вы поняли из прочитанного? Я сегодня утром перечитал все работы Лейбница, и мне кажется, что и монадология, и тем более

принципы природы и благодати действительно очень, очень ясны. Их нужно читать внимательно. Но в этом отношении они довольно четкие и ясные .

Что бы мы ни делали в связи с Лейбницем, нам необходимо четко понимать эту монадологию. Разве это не относится ко всем этим фигурам? Если вы хотите понять, почему они думают так, как думают об эпистемологии, об этике, о Боге, о проблеме зла, вам нужно добраться до лежащей в их основе метафизической схемы. Метафизические предположения являются лишь фундаментальными для всего этого.

На самом деле, это можно считать довольно общим правилом для любой обсуждаемой темы, не только философской. Но если вы обсуждаете кандидатуру Бьюкенена на пост президента, то да, и почему именно его ценности «Америка прежде всего», то, конечно, стоит задуматься о том, какие метафизические предположения лежат в основе подобных взглядов. Как же к этому прийти? Дело в том, что определенные ценности основаны на определенных предположениях о природе реальности, которую он считает ценностью.

Но всегда возвращайтесь к этим предположениям. Что ж, мы видели это на протяжении всего пути, начиная, пожалуй, с Платона. Все различные части философии Платона сходятся воедино, как только вы проведете четкую границу между формами и частностями.

Помните, на нарисованной нами диаграмме это была центральная часть колеса, разделительная линия, от которой, вдоль спиц, можно отталкиваться, говоря об искусстве, образовании, этике, истории и так далее, и так далее. То же самое и с такими людьми, как Лейбниц. Хорошо, теперь перейдем к шестому пункту.

Разум и тело. Ага. В конце концов, это один из главных вопросов, разделяющих эти три континентальные метафизические системы XVII века.

Декарт, выравнивания Спиноза. Проблема разума и тела. Я уже указал на некоторые основные моменты, которые здесь задействованы.

Во-первых, монады причинно не связаны друг с другом. Ладно, они без окон. Причинно не связаны.

Ещё одна точка зрения заключается в том, что тела, физические тела, материальные тела, представляют собой совокупность монад. А если это живое существо, то существует объединяющая монада. Монада души.

Обратите внимание, что он использует понятие души в том же смысле, что и греки. Где душа является источником жизни. Именно она даёт жизнь.

Это связано с формой. Что придает вещи определенную природу? Это связано с энтелехией, с ее конкретной функцией .

Итак, тело животного объединено живой душой. Понятно? Живой душой. Что делает этот кусок материи живым животным, каким он иначе не был бы.

С учетом соответствующих жизненных функций, включающих степень аппетита и восприятия . Теперь, если мы говорим о телах, то между телами существуют причинно-следственные связи. Между этими составными частями.

Потому что когда у вас появляются мириады монад, а он говорит, миллионы, когда у вас появляются мириады монад, организованные и объединенные, они начинают приобретать пространственную протяженность. Сами же монады пространственной протяженности не обладают. Во-первых, они не субстанциальны в каком-либо конкретном смысле.

Они ничтожно малы. Они не занимают места. Поэтому у них нет размера, формы, плотности или других характеристик пространственной занятости.

То, что мы научились называть первичными качествами. У них их нет. Но тела, которые являются составными частями, занимают пространство.

Они обладают первостепенными качествами. И теперь вы можете начать понимать, как он собирается освободить место для механистической науки. Это наука о взаимосвязи между телами.

Это ничего не говорит нам о монадах. Как он объясняет, что одна монада, которая не имеет пространства или не занимает пространства, плюс другая монада, которая не имеет пространства, и это не имеет никакого логического смысла? Благодаря парадоксам Зенона. Вы помните, например, парадоксы веса Зенона? Если одно зерно проса ничего не весит, а в мешке 100 000 зерен проса , каждое из которых ничего не весит, почему это издаст глухой звук? Единственная подсказка, которую я вижу у Лейбница, — это использование им термина «бесконечно малая величина».

Под "бесконечно малой величиной" он не подразумевает, что она не имеет размера. Он подразумевает, что она имеет Неизмеримый размер. Невероятно мал.

Таким образом, когда вы получаете очень большое число, вы начинаете получать размер. Я не вижу в нем другого объяснения. Это что-то вроде атомистической идеи? Нет, понимаете, если атом означает маленькую гранулу материи, то нет, это не атомистично.

И именно по этой причине он отвергает термин «атом». Атомы Демокрита представляли собой маленькие твердые шарики. Монада — это не маленький твердый шарик.

Теперь, если же вы имеете в виду атомистическую физику, подобную нашему современному представлению об атомах, состоящих из субатомных частиц, которые могут быть просто функциями энергии, но для этого необходимо ввести энергетическую физику, в которой материя является производной от энергии, а не наоборот. Хорошо. Теперь я думаю, что проблема, с которой сталкивается Кристен, заключается в том, как материя является производной от энергии на этом этапе понимания.

И, честно говоря, у него нет хорошего объяснения, кроме того, что я предлагаю относительно термина «бесконечно малая величина». Так что вам придётся сказать: «Ну, подождите, пока мы разберёмся в энергетической физике». Хорошо.

Таким образом, существуют причинно-следственные связи между телами, но не между монадами. Душевная монада, или, в случае людей, духовная монада, является объединяющим, организующим принципом, а также животворящим, порождающим мысли и направляющим принципом для целого. В противном случае не существовало бы упорядоченного целого.

Таким образом, получается, что душа делает для тела то же, что Бог делает для вселенной, независимо от упорядочивающих вещей. И он прямо говорит, что то, что Бог делает в этом отношении, мы делаем в гораздо меньшей степени, на гораздо меньшем уровне. Мы делаем вещи намного меньше, чем то, что создал Бог.

Но мы создаём целостные, индивидуальные, организованные вещи телесного рода. Позвольте мне сейчас обратить ваше внимание на пару моментов по этому поводу. Если вы откроете монадологию, давайте посмотрим, на страницах 212, 213.

212, 213. Прежде всего, параграф 74. Философы долгое время были и остаются в большом недоумении относительно происхождения форм или душ.

Но сегодня, изучая растения, насекомых и животных, мы знаем, что органические тела природы не являются продуктами хаоса или гниения, самопроизвольного зарождения, а всегда происходят из семян, в которых было какое-то предварительное формирование. Понятно? Считалось, что до зачатия существовало не только органическое тело, но и душа в этом теле. Иными словами, само живое животное.

И посредством зачатия это животное лишь подготавливается к великой трансформации, чтобы стать животным другого вида. Нечто подобное наблюдается и вне рождения, например, когда черви, гусеницы, черви превращаются в мух, а гусеницы — в бабочек. Трансформация в существо другого рода.

Теперь, то, с чем он здесь имеет дело, и он называет это позже, — это анимализм нашего времени. Взгляд, согласно которому потомство в миниатюре, телом и душой, содержится в семени отца. Полное.

Таким образом, в этом смысле монада души является результатом развития монады души отца, которая, в свою очередь, была результатом этого развития. Понятно? И вы помните, что мы упоминали об этом, когда говорили о стоиках, потому что это было основой стоической теории передачи души и происхождения индивидуальной души. А теперь вот Лейбниц, который принимает этот вид анималистического подхода.

Дот, это ваша область. Можете рассказать, не было ли в этот исторический момент возобновления подобного подхода? Можете дать нам общее представление? Хорошо.

Маленькие зверьки. Вот так. Да, это часть философского подхода, известного как витализм, который рассматривает жизнь как нечто отличное от просто физических, химических явлений.

Хорошо, и витализм продолжал процветать, по сути, примерно до середины XX века. Это совпало с развитием микроскопа, который открыл этот новый мир жизни. Замечательно.

Иными словами, шпиноды как линзы. Таким образом, это его точка зрения на происхождение душ, включая человеческие души, духов. Следовательно, сперматозоид содержит душу.

А тело. Обеспечивает ему приятное теплое место для роста. А теперь повторите.

Традуцианизм просто имеет зачаток, из которого он разовьется, или... Нет, я приблизительно обозначаю эти две точки зрения. В биологии, говоря о генетике. Хорошо, анимализм — это название, которое используется для этой точки зрения.

В теологии, когда речь идёт о передаче или происхождении индивидуальной души, используется термин «традуцианизм», то есть точка зрения, согласно которой она передаётся. Но традуцианизм, привнесённый в христианскую

мысль Тертуллианом, по сути, был заимствованием стоического взгляда, который представлял собой своего рода анималистический подход. И Лейбниц, кажется, указывает в том же направлении.

Хорошо. И, очевидно, развитие современной генетики значительно меняет картину. Биологический витализм сейчас — редкость.

В 1940-х годах это было довольно популярно в некоторых кругах, особенно во Франции. Пятьдесят лет — это уже большая разница. Хорошо.

Пункт 75. Это снова всплывает. Животных, некоторые из которых выращиваются от момента зачатия до стадии более крупных животных, можно назвать сперматозоидами.

Среди тех, кто остаётся в своём классе, то есть в большинстве, рождаются, размножаются и уничтожаются, подобно крупным животным. Лишь небольшое число избранных переходит на большую сцену, и так далее. Это лишь половина правды.

Поэтому я утверждал, что если животное никогда не возникает естественным путем, то и не заканчивается естественным путем, то не только не будет рождения, но и не будет полного уничтожения или смерти, строго говоря, и так далее. Давайте посмотрим. Затем в параграфе 80 он начинает критиковать Декарта и замечать разницу.

Декарт признавал, что душа не может передавать телам никакой силы, поскольку в материи всегда присутствует одно и то же количество силы. Тем не менее, он считал, что душа может изменять направление движения тел, являясь лишь внешней причиной.

Это произошло потому, что в его время закон природы, утверждающий сохранение единого направления в материи, не был известен. Если бы он знал это, он бы наткнулся на мою систему predetermined гармонии, а не на причинно-следственное взаимодействие. Да.

Согласно этой системе, тела ведут себя так, как будто, что невозможно; душ не существует, а души ведут себя так, как будто тел не существует, и обе действуют так, как будто каждая влияет на другую. Бедный старый Декарт. Что касается духов или разумных душ, хотя я считаю, что то же самое, что я утверждал, а именно, что они начинаются и заканчиваются только миром, в основе своей справедливо в отношении всех живых существ и животных, тем не менее, у разумных животных есть эта особенность: они являются семенными животными, а вот ваша птица, пока они остаются таковыми, имеет только обычные или чувствительные души.

Хорошо, речь идёт о низкой степени восприятия. Но как только те, кто, так сказать, избраны, да, это протестант-кальвинист, избранные по факту постижения достигают человеческой природы, Бог осуществляет отбор, их чувствительные души возводятся в ранг разума и к привилегиям духов. Среди прочих различий, существующих между обычными душами и разумом или духом, есть и это.

Души в целом — это живые зеркала или отражения вселенной существ. Их природа — это зеркало. Но разум или дух, кроме того, являются отражениями самого божества .

Мы созданы по образу и подобию Божьему. Мы способны познать систему Вселенной и имитировать её элементы посредством архитектурных образцов, причём каждый разум подобен маленькому божеству в своей собственной сфере. Поэтому духи способны вступать в своего рода общество с Богом, так что Он становится отцом для своих детей.

Таким образом, возникает идея града Божьего, вселенской монархии, нравственного мира внутри природного мира, самого божественного из творений Бога и так далее. Поэтому роль разума или духа проявляется довольно ясно . Теперь, надеюсь, еще два момента.

А что насчёт эпистемологии? Это часть вопроса о соотношении разума и тела. И я уже говорил, что в случае без оконных монад осознание возникает изнутри, а не извне. Да, и он довольно ясно даёт понять , что души-монады, в лучшем случае, могут обладать чувственным восприятием и сохраняющимися воспоминаниями.

Животные могут обладать чувственным восприятием и долговременной памятью, а следовательно, способностью к узнаванию и формированию обусловленного поведения и так далее. Но когда дело доходит до духовных монад, мы получаем нечто большее. Там мы находим рассуждения.

Он различает два вида рассуждений, которыми мы обладаем. Во-первых , существуют истины фактов, которые мы можем знать, и во-вторых, существуют истины разума, которые мы можем знать. Истины фактов являются случайными.

Иными словами, они касаются того, что происходит последовательно, и наше осознание их, соответственно, зависит от этих последовательных событий, о которых мы имеем это внутреннее осознание. Таким образом, истины факта являются случайными, тогда как истины разума — это логически необходимые истины. Логически необходимые истины, имеющие логическую форму законов мышления, согласно которым A равно A , A равно не- A .

Истинность фактов зависит от закона достаточного основания, тогда как истинность разума зависит от закона непротиворечия. Хорошо, это различие. Различие между истинностью фактов и истинностью разума, я думаю, довольно очевидно .

Мы делаем несколько фактических утверждений. Лейбниц был немцем, писавшим на французском и латыни. Немецкий язык тогда был не литературным, а научным. Истина, видите ли, зависит от случайности определенных исторических событий.

Истины разума? Ну, например, всё, что имеет характер определения, которое просто раскрывает то, что уже логически содержится в понятии. Как и у Декарта, три угла треугольника в сумме дают два прямых угла. Не может быть горы без долины, потому что они логически необходимы, исходя из понятий, не из восприятия существования вещей, а из самого понятия, общего понятия треугольника или горы.

Таким образом, существует различие между истинами факта, ничего нового в этом нет. Ничего нового в утверждении, что одна условна, а другая необходима. Ничего нового в утверждении, что одна зависит от закона достаточного основания, а другая — от закона непротиворечия.

Видите ли, Аристотель мог бы сказать то же самое. Отличие заключается в том, что оба вида истин являются врожденными, поскольку мы имеем дело с моментами, не имеющими временных рамок. Даже Декарт, кажется, признает, что чувственные восприятия физически обусловлены чувственными стимулами и причинно-следственным взаимодействием между разумом и телом.

Но не Лейбниц. Даже чувственное восприятие является врожденным. Даже чувственное восприятие животных является врожденным.

Установленная ранее гармония работает именно так. Что же это говорит о свободе, человеческой свободе, воле и интеллекте? Об этом комплексе вопросов. Здесь нужно быть очень осторожным, потому что дискуссии о свободе, воле и интеллекте, которые велись у Декарта, Гоббса и Спинозы, были исключительно в контексте понятия действенной и материальной причинности.

Именно это. С другой стороны, Лейбниц говорит нам, что монады являются одновременно материальной причиной, действенной причиной, формальной причиной и конечной причиной. Он возвращается к четырём аристотелевским причинам.

Таким образом, он будет представлять волю не в терминах причинно-следственной или беспричинной эффективной причинности, детерминизма или индетерминизма, так что она будет выглядеть так, как у Декарта, говорит он, как если бы свободная воля выбирала в причинном вакууме просто в свете того, сколько он знает. Нет. Свободная воля — это скорее вопрос восприятия и желания.

Иными словами, существует внутренняя направленность, существует внутреннее стремление, существует конечная причинность, и необходимо определить, что значит быть свободным, не только с точки зрения действенной причинности, но и с точки зрения конечной причинности. В этой монадологии нет вакуума конечных и формальных причин. И я думаю, он прав, по крайней мере, в том, что большая часть современных дискуссий о свободе и детерминизме основана на представлении о том, что свободная воля — это такая свобода, где нет действенных причин, определяющих результат.

Иными словами, он приравнивает свободу к индетерминизму. Он с этим не согласится. Я думаю, он прав в том, что если мы — существа, действующие целенаправленно, если в человеческом поведении и существовании существует телеология, то необходимо выработать телеологическое понимание свободы.

Теперь вопрос в том, поможет ли ему его телеологическая концепция свободы. Так что включайтесь, в то же время, на той же станции. Мы продолжим, а затем перейдем к проблеме зла.